

ГЛАВА 2. РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНЕГО СИБИРСКОГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ.

Начальный этап проникновения русских на территории за Уралом составлял основное содержание стадии внешнего фронта. Внешний фронт – место и момент первой встречи колонистов с автохтонным населением. Внешний фронт¹²² предполагает спорадические и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Особенностью сибирского внешнего фронта был его локализм, когда за его границей лежала территория, не известная русским. В период с последней трети XVI – первой четверти XVII вв. фронт в Сибири находился в состоянии динамичных изменений и только к середине XVII в. принял более характерную для себя статику.

Для понимания внешнего фронта необходимо определить время и место первых контактов русских первопроходцев с коренными народами Сибири и выявить особенности их взаимодействия, возникавшего в зонах неустойчивого равновесия.

Основным источником для изучения истории Сибири является актовый материал, который составляли для нужд государства, и сведения, содержащиеся в нем, носят официальный характер. Но необходимо учитывать, что в ряде случаев, благодаря частной инициативе и без ведома государства русские совершали систематические походы в Сибирь с 70-х гг. XVI в. Если принять этот факт во внимание, то следует, что коло-

¹²² Под выражением «внешний фронт» следует иметь в виду стадию внешнего фронта. Данный прием упрощения лексических конструкций используется для лучшего стилистического восприятия текста.

низация Сибири началась по меньшей мере на десятилетие раньше, чем служилые люди начали строить первые остроги, которые были узловыми пунктами правительственного присоединения новых территорий. Самим первым русским землепроходцам было невыгодно рассказывать о своих походах государственным органам, так как основной целью их продвижения «встречь солнца» на начальном этапе колонизации Сибири, на наш взгляд, являлся пушной промысел, приносивший значительный доход, поэтому первые промышленные люди всячески старались скрыть источник своих доходов от официальных властей. Тем не менее сохранились исторические документы и археологические свидетельства, содержащие сведения о пребывании русских в Сибири до похода Ермака, позволяющие считать данный период началом стадии внешнего сибирского фронта.

В период последней трети XVI – первой четверти XVII вв., учитывая специфику русского продвижения за Урал, целесообразно выделить направления распространения фронта – северо-восточное, восточное и юго-восточное.

2.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА

Первые упоминания о походах русских в Сибирь встречаются в летописях XI в. В них записано несколько обстоятельных, хотя и изукрашенных баснословием, сведений о юграх: «...яже сказа ми Гюрата Рогович...» яко послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающие Новгороду; и пришедшу отроку моему к ним, а оттуда идее в Югру"»¹²³. Следовательно, можно предположить, что из Новгородских земель в течение XI–XV вв. совершались эпизодические походы за Урал

¹²³ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882. Репринт. Сургут: Северный дом, 1993. С. 16.

силами отрядов «ушкуйников» («гулящих людей», разбойников). Возможно, какое-то время территория Югории была зависима от Новгородской республики. После падения Новгорода в 1478 г. инициативу организации походов в Югорскую землю взяло на себя формирующееся Российское государство. Доподлинно известно, что в конце XV в. русские совершили поход в Югорскую землю. Г.Ф. Миллер, основываясь на данных разрядных книг, пишет следующее: «Под 7007-м г. от сотворения мира, или 1499 г. от Рождества Христова, в русских летописях описан поход, предпринятый в Югорскую землю и против вогулов»¹²⁴. В целом поход завершился удачно. В некоторых степенных книгах кратко говорится об успехе этого похода, а именно: были взяты многие городки, т.е. небольшие укрепления или обнесенные тыном места, где жили инородцы, было убито и взято в плен много людей, а самые знатные, называвшиеся у них князьями, приведены в Москву¹²⁵. Существует множество упоминаний о втором крупном походе в Югорскую землю, который датируется 1502 г. Но большинство исследователей истории Сибири, начиная с Г.Ф. Миллера¹²⁶, отождествляют данный поход с событиями 1499 г. и считают, что в этом году отряд С. Курбского и П. Ушатого появился в Югорской земле, а в 1502 г. вернулся в Российское государство. Основным итогом похода С. Курбского и П. Ушатого явилось признание коренными народами вассальной зависимости от Российского государства. В переписке с иностранными государствами в титулах Василия III и Ивана Грозного среди земель, которыми они управляли, встречается упоминание о Кондинской и Обдорской землях¹²⁷.

¹²⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1. С.197.

¹²⁵ Там же. С.198.

¹²⁶ Там же. С. 200.

¹²⁷ Там же.

Вышеприведенные факты являлись предысторией активного движения русских за Урал. Важно отметить, что, по косвенным свидетельствам документов, спорадические проявления внешнего фронта на северо-восточном направлении следует отнести ко второй половине XV – началу XVI вв., существовали в форме первых русских морских полярных экспедиций за Урал, которые совершались Северным морским путем (Приложение 4). Полную силу процессы внешнего русского фронта в Сибири набрали с конца 60 – начала 70-х гг. XVI в., когда появились первые постоянные поселения поморов за Уралом.

Первые контакты русских с автохтонным населением носили эпизодический характер. Новгородская республика долгое время являлась автономным образованием и не несла в себе общерусского ядра. С момента образования единого государства совершались отдельные военные походы, но не было массового проникновения русских в Сибирь. Несмотря на факт вассальной зависимости Обдорской и Кондинской земель от Российского государства, русских служилых людей там не было. Это видно из грамоты Ивана IV в Югорскую землю князю Певгею, которую он отправил в 1556–1557 гг.: «А собрав бы есте нашу дань, да с тою б есте данью князь Певгей был к нам к Москве, если б есте прислали к Москве с нашею данью брата своего или племянника да земских людей человека 2 или 3 лучших людей»¹²⁸. Следовательно, практиковалась ежегодная доставка дани в Москву автохтонным населением вассальных территорий, что свидетельствует об отсутствии там пунктов сбора ясака. Скорее всего, местные жители Югорской земли платили ясак как гарантию неприкосновенности своих территорий со стороны Российского государства. Но, на наш взгляд, это не предполагало активных контактов русского населения с жителями Зауралья в это время.

¹²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 1. С. 324.

До 1580-х гг. XVI в. первые русские экспедиции проходили по северной части континента. В то время юг Сибири был для них закрыт, так как власть над ним прочно контролировали сибирские татары, которые не хотели пускать представителей соседних народов в эти земли и взимали с них дань.

Четыре основных фактора определили быстрое продвижение внешнего фронта на восток.

Первым фактором стали климатические изменения. С середины XVI в. началось общее потепление климата на Земле. Эпоха низкого стояния Каспия соответствовала эпохе потепления в Арктике. Действительно, уровень Каспия во второй половине XVI – середине XVII вв. стоял очень низко, и именно в это время плавания русских распространились на восток до устья Енисея, а возможно, и далее¹²⁹. В подобных условиях активнее заработал Северный морской путь. К этому времени (1583–1584) относится основание Архангельска. Следовательно, появилась возможность доставлять продовольствие в русские поселения и забирать из них мягкую рухлядь.

Вторым фактором явилась благоприятная геополитическая ситуация в регионе. На границе внешнего фронта в восточном направлении не осталось государства, способного сопротивляться дальнейшему продвижению русских за Урал. После падения Казани (1552) заметно усилилось внутреннее экономическое развитие Российского государства, «охочие люди» получили гораздо более широкие возможности проникновения за Урал по р. Каме¹³⁰.

Третьим фактором было то, что до XVI в. особо ценную пушнину Российскому государству в основном давали печорские и пермские земли, но к середине этого столетия они

¹²⁹ Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 66.

¹³⁰ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён и до 1917 года. М.: Мысль, 1971. С. 59.

стали неуклонно «испромышляться». В то же время спрос на «мягкое золото» увеличился, особенно на внешнем рынке, где русская пушнина (главным образом соболь) издавна высоко ценилась. С середины XVI в. возможность выгодной реализации этого ценнейшего «валютного сырья» резко возросла в связи с установлением торговых отношений с Западной Европой через Белое море и включением в состав Российского государства волжского-каспийского пути, дававшего возможность прямого выхода на восточные рынки¹³¹.

Четвертый фактор – это «опричнина» в Российском государстве. Многие подданные были в опале у Ивана Грозного. Они находились на территории «земщины», и их владения в любой момент могли разорить опричники. Выходом из этой ситуации являлся уход населения «земщины» за пределы Российского государства в Литву, Дикое Поле и в земли, расположенные за Уралом.

Благодаря этим четырем факторам, началось движение русских сначала в Югорскую землю, а затем и в Мангазею. Трудно определить дату начала массового проникновения русских в Сибирь. Более или менее достоверные сведения, позволяющие судить о присутствии в Сибири русских, содержатся в документах иностранцев, живших в Российском государстве во второй половине XVI в.

Первые известия о Югорской земле сохранились в сообщении англичанина Стифена (Стивена) Барроу (Бэрроу, Борро, Берро), совершившего путешествие в 1556 г. к Кольскому полуострову, Новой Земле и лежащим южнее ее островам. Около побережья Новой Земли произошла встреча С. Барроу с русской шлюпкой (кочем. – *А.Х.*). Начальник ее по имени Лошак сказал, «что мы (англичане. – *А.Х.*) проехали дорогу, которая ведет на Обь. Земля, у которой мы находимся, называется

¹³¹ Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. С. 13–14.

"Нова Зембла". При этом Лошак прибавил, что, по его мнению, на Новой Земле находится самая высокая гора в мире, не сравнимая с "Большим Камнем", и сделал мне также некоторые указания относительно дороги на Обь»¹³². На основании свидетельств С. Барроу можно утверждать, что в 50-е гг. XVI в. существовал морской торговый путь между Югорией и Поморьем, но говорить о русских поселениях или активной колонизации территории представляется преждевременным из-за отсутствия объективной необходимости активно осваивать отдаленные территории, основной ценностью которых была пушнина. В это время основным местом охоты для русских промышленников являлся район р. Печоры.

С 60-х гг. XVI в. активную деятельность по поиску пути на р. Обь осуществляли голландцы. При этом, не довольствуясь морскими предприятиями, они вели сухопутную разведку. В 1564 г. в Холмогорах был арестован как шпион голландец О. Брюннель, который просидел несколько лет в тюрьме. Выбравшись оттуда, он сумел войти в доверие к Строгановым и участвовал в поездках в Сибирь. Второе свое путешествие около 1580 г. он совершил морем и, по мнению В.Ю. Визе¹³³, был первым из иностранцев, который прошел Карским морским путем. Побывав на р. Оби, он уехал за границу и в 1584 г. стал во главе целой экспедиции¹³⁴. В документе есть явное упоминание о регулярных контактах между Югорской землей и русскими промышленными людьми. Регулярность этих контактов предполагает наличие постоянных мест встречи, между русскими и местными жителями, своеобразных контак-

¹³² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л.: ОГИЗ, 1937. С. 107–108.

¹³³ Визе В.Ю. История исследований Советской Арктики. Архангельск: Совкрайгиз, 1935. С. 20.

¹³⁴ Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. С. 40.

ных зон фронта, из которых впоследствии выросли первые городки. Скорее всего, в данных зонах фронта доминировал мирный тип взаимодействия русских и коренных жителей, основу которого составляла меновая торговля.

Любопытные сведения сообщает вестфалец Генрих Штаден. Он пробыл в Российском государстве с 1564 по 1576 гг., служил шесть лет опричником у Ивана Грозного, а затем в 1574–1575 гг. посетил по торговым делам Вологду, Колу и другие города. Согласно данным Штадена, из «Оби-реки можно проплыть в Америку (и в Татарию), причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании»¹³⁵. Сведения о свободном пути от Оби на восток Штаден мог получить только от своего приятеля и компаньона Петра Вислоухого, который служил в Пустозерске сборщиком ясака с самоедов¹³⁶. Это свидетельствует о присутствии русских у устья р. Оби.

Более подробные сведения о Югорской земле содержатся в донесениях Антона Марша от 1584 г. А. Марш являлся фактором английской торговой компании. Он нанимал русских торговых агентов и поручал им исследовать морской путь в р. Обь и условия сибирского пушного рынка. До нас дошло ответное письмо русских агентов Маршу¹³⁷. В нем даны поразительно точные сведения о побережье Северного Ледовитого океана и устья р. Оби. Из письма видно, что русские первопроходцы уже тогда хорошо знали эти места. Самое интересное известие – это описание пяти обских городков, находящихся в низовьях Оби: «Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на реке Оби. Первый называется Тазовский городок (Tesuoi Gorodok) и находится в устье реки Пады (Padou). Второе селение (small castle) Носовой городок (Nosoro-

¹³⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. Иркутск: Крайгиз, 1932. Т. 1. С. 96–97.

¹³⁶ Берг Л.С. История русских географических... С. 12.

¹³⁷ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 186.

Gorodok) стоит на самом берегу реки Оби. Третий называется Necheiour-goskoу. Четвертый – Charedmada. Пятый – Надежная (Nadeshneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия»¹³⁸. Примечательно то, что русские названия городков чередуются с непереводаемыми на русский язык словами. Если учесть, что авторы послания являлись русскими людьми, то вполне логичным представляется обозначение понятными словами городков, где постоянно проживали соотечественники, а непонятными – поселения других народов. В частности, Necheiour-goskoу, скорее всего, являлся городком хантов Нарганкор или Нангакор, а Charedmada – Черикором¹³⁹. Во многом это соответствует ситуации внешнего фронта, когда на территориях, находящихся за пределами официальных границ государства, в форме отдельных точек среди поселений коренных жителей появляются острожки, основанные благодаря частной инициативе колонистов.

О постоянном присутствии русских людей в Югорской и Мангазейской земле, помимо сведений иностранцев, свидетельствует актовый материал.

Первый из них относится к 1574 г., когда в Москве еще не предполагали, что Северным путем русские ходили на промысел в Югру. В «платежнице» с пустозерских дозорных книг, которая была выдана из приказа Большого прихода пустозерскому данщику, записано, что он берет «на государя явки по две деньги с человека» с тех, которые «прихожие казаки... на морской промысел и в Югру с гостями ходят»¹⁴⁰.

Очевидно, в силу особенностей рельефа Западно-Сибирской равнины, отсутствия естественных препятствий на пути про-

¹³⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 187.

¹³⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 89, 116.

¹⁴⁰ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1972. С. 61.

движения русских первопроходцев границы внешнего фронта недолго находились в Югорской земле и практически сразу русские промышленники проникли в Мангазею. К тому же следует упомянуть об относительной бедности Югорских соболиных угодий по сравнению с Мангазейскими. В последующий период соболей там не хватало ясачным людям и, «как общее правило, березовские самоеды ежегодно ходили в Мангазейский уезд (на р. Таз) промышленять государев ясак»¹⁴¹. Следовательно, и первые русские промышленники не могли долго задержаться в Югорской земле.

В 1580 г., по сообщению Вычегодско-Вымской летописи, Иван IV «за службы великие государевы» пожаловал пермичей, промышленных и торговых людей, и разрешил им «торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах беспошлинно 10 лет»¹⁴². В 1600 г. промышленные люди – пинежане и мезенцы Двинского уезда – получили царскую грамоту, разрешившую им «ездети, промышленяти и торговати в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисею, и с самоедами, которые живут на тех реках, торговати повольно», с уплатой десятой пошлины натурой, а также «и лешим промыслом (охотой) велели есмь им промышленяти»¹⁴³. Скорее всего, данная грамота закрепила уже сложившееся положение вещей. В Москве знали, что «они там для своих промыслов живут года по два и по три»¹⁴⁴.

Исходя из приведенных сведений, можно заключить, что постоянного русского населения в этих землях не было, но промышленные люди во время сезона охоты на соболя активно

¹⁴¹ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 5.

¹⁴² Приложения // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Книжное издательство Коми, филиал АН СССР, 1958. Вып. 4, Прил. № 3. С. 266.

¹⁴³ АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.), № 30. С. 27–28.

¹⁴⁴ Там же. № 30. С. 28.

вступали в контакты с представителями коренного населения Западной Сибири. Здесь в условиях внешнего фронта больше проявлялось сотрудничество пришлого и автохтонного населения, которое сводилось к взаимовыгодной (в понимании каждой из сторон) меновой торговле, через которую происходило знакомство цивилизаций. Справедливость этого тезиса подтверждает то, что местное население не препятствовало промышленным людям основывать опорные пункты – городки, в которых они готовились к экспедиции за соболем.

По мнению М.И. Белова, первые русские городки за Уралом, были ли они временными поселениями промышленных людей или торговыми опорными пунктами, как, например, «магазины», остатки которых обнаружены на зырянской дороге между Ляпиным и Обью, сыграли еще не оцененную по своей важности роль в ходе начавшегося в 80-е гг. XVI в. массового движения русских за Урал¹⁴⁵. Эти городки и магазины – фактории – являлись своего рода опорными точками расширения внешнего фронта на восток.

К вышеуказанным городкам следует прибавить три городка, названия которых дошли до настоящего времени. Это Надымский, Зырянский и Пантуев городок в устье р. Пура¹⁴⁶.

Существуют неопровержимые археологические доказательства существования поселений на р. Таз в 70-е гг. XVI в. Во время раскопок города Мангазеи экспедиция под руководством М.И. Белова в одном из раскопов обнаружила комплекс русских построек, среди которых самая ранняя датируется

¹⁴⁵ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч.1. С. 33.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113; Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 92; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея... Ч.1. С. 113; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т.1, Прил. № 45. С. 391.

1572 г., а самая поздняя – 1594 г. Эти даты были установлены по остаткам древесины при помощи метода дендрохронологии. Исходя из содержания археологических находок, можно установить занятия обитателей построек. Первые поселенцы на городище Мангазеи охотились на зверя, питались рыбой, которой было вдоволь в окружающих водоемах, торговали на местном рынке, выменивали за одекуй (бисер) драгоценную пушнину¹⁴⁷. Следовательно, они активно осваивали окружающие их территории и тем самым расширяли контактные зоны внешнего фронта. Можно предположить, что жители других подобных поселений на территории Западной Сибири занимались аналогичной деятельностью.

К началу XVII в. русские промышленные люди настолько хорошо освоили территорию Мангазеи, что привлекли внимание московского правительства, которое захотело поставить под свой контроль богатый соболем край. С этого момента начинается качественно новый этап эволюции внешнего фронта, характеризующийся участием государства в освоении северных территорий Западной Сибири.

В 1593 г. по инициативе центральных властей в Югорской земле был основан Березовский острог. Актового материала, в котором была бы указана точная дата основания города, не сохранилось. Но есть упоминание в Книге записной: «Березовский городок ставили того ж 101-го году воеводы Никифор Траханиотов, да князь Михайло Волконский, да письменной голова Иван Змеев»¹⁴⁸. У Г.Ф. Миллера есть два документа, косвенно относящиеся к основанию Березова. В частности, это грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Н. Траханиотову от 17 августа 1594 г.¹⁴⁹, которая содержит сведения о

¹⁴⁷ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М.. Мангазея... Ч.1. С.35.

¹⁴⁸ Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 4.

¹⁴⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 16. С. 354.

существовании острога. Второй документ – это наказ от декабря 1592 г. князю Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пельым¹⁵⁰. В документе говорится о составе экспедиции: «А воеводе Микифору, и князю Петру, и князю Михаилу Волконскому, и князю Матвею Львову, и голове Богдану Воейкову, да Ивану Змееву до тех мест»¹⁵¹. Согласно этому наказу, после основания Пельыма, «а побыв того неделю или ден до 10-ти, Микифору с товарищи пойти всеми людьми прочь в Тобольский город, а князю Петру остаться туту со всеми своими людьми»¹⁵². Но царский наказ осуществлен не был, и князь П. Горчаков в водвороте ситуации внешнего фронта поступил по «тамошнему делу». На наш взгляд, произошло несколько столкновений между русскими и силами кондинских князей. В этих столкновениях победу одержали русские служилые люди, но главные князья бежали в глубь Кондинской земли. Князь П. Горчаков разбил отряд на две части. Вместе с одной частью своего отряда он начал постройку Пельымского острога, а другая часть во главе с Н. Траханиотовым начала преследование кондинских князей. На краю Кондинской земли около селения Сумгут-ваш предводители местных жителей были захвачены. До Пельыма было достаточно далеко, и Н. Траханиотов решил основать в этом месте укрепленное поселение – Березовский острог. Подтверждает эту версию уже упомянутая грамота от 17 августа 1594 г. о получении в Москве «животов» кондинского князя Агая и о прибытии туда самого кондинского князя с сыном и братьями¹⁵³.

В истории основания Березовского острога наглядно виден конфликтный тип отношений, присущий внешнему fronti-

¹⁵⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 11. С. 339.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 340.

¹⁵³ Там же. № 16. С. 354.

ру, между пришельцами и автохтонным населением. В ситуации неустойчивого равновесия сотрудничество сменялось соперничеством, когда государство пыталось распространить свою власть и наложить повинности на местное население. В данном случае государство фактически сразу стремилось увеличить доходы казны путем организации застав. По мнению П.Н. Будицкого, это представлялось сложным заданием для местных воевод, так как «территория Березовского уезда была обширна, торговых путей из Руси в Сибирь было несколько, а потому следить за проезжими русскими людьми было чрезвычайно трудно. Тем более трудно, что со здешними «сибирскими инородцами» русские люди были давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со времен новгородцев. Те же «сибирские инородцы» даже доставляли русским людям средства для перевоза товаров от Уральского хребта далее в Сибирь»¹⁵⁴. В условиях внешнего фронта недалеко от Березова столкнулись интересы государства, частных лиц и местного населения, тем самым сложился своеобразный треугольник, включавший в себя как элементы сотрудничества, так и соперничества. В итоге победила позиция государства, и в бывший поморский Носовской городок были отправлены служилые люди, которые заложили острог. После появления острога в 1595 г. начала функционировать Обдорская застава, собиравшая пошлины с промышленных людей¹⁵⁵. В результате проиграли частные лица, лишившиеся своих сверхприбылей.

Относительно проникновения в Мангазею правительственных сил у Г.Ф. Миллера есть упоминание, которое совпадает со сведениями «Книги записной»¹⁵⁶: «В сибирских летописях

¹⁵⁴ Будицкий П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 173.

¹⁵⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 69. С. 234; Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 48.

¹⁵⁶ Книга записная... С. 5.

рассказывается, что уже во времена царя Федора Ивановича, в 7106 г. (1598 г. – *А.Х.*) был послан из Москвы Федор Дьяков для проведывания мангазейских мест до самой реки Енисея и для обложения ясаком тамошних народов. Вместе со служилыми людьми, данными ему из Тобольска, он побывал в тех местах и собрал там для государя первый ясак, с которым вернулся в Москву в 7108 г.»¹⁵⁷. Вероятно, в результате деятельности экспедиции были собраны подробные сведения о Мангазее.

Наиболее ярко взаимодействие государства, частных лиц и местного населения в условиях внешнего фронта проявилось на примере основания Мангазее, где имело место как социальное сотрудничество, так и соперничество. В 1600 г. на р. Таз были направлены воевода М. Шаховской и Д. Хрипунов с отрядом 150 человек. Однако экспедиция не смогла выполнить возложенную на нее задачу: суда были затерты льдами в Обской губе, а, двинувшись далее «сухим путем», служилые люди подверглись нападению со стороны «самояди». Сильно поредевшему «войску» М. Шаховского, правда, удалось достичь р. Таза и укрепиться в одном из построенных промышленниками городков, но полностью овладел положением в крае лишь новый правительственный отряд¹⁵⁸. Скорее всего, отряд М. Шаховского расположился в Пантуевом городке. Главным поселением поморов в данном районе – Мангазеей – они не овладели¹⁵⁹. Согласно мнению С.В. Бахрушина, нападение самоедов организовали поморские и пермские торговые люди, стремившиеся избежать контроля за их промыслами со стороны центральной власти¹⁶⁰. В контексте вышесказанного это объяснение не лишено своей логики. Документальным

¹⁵⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2. С. 302–303.

¹⁵⁸ Там же. Прил. № 43. С. 386; № 45. С. 387–396.

¹⁵⁹ Там же. Прил. № 45. С. 391.

¹⁶⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.3, ч. 1. С. 143–144.

доказательством этой версии служит наказ В. Масальскому и С. Пушкину от 1601 г. В нем открыто говорится, что «а будут пустозерцы, и вымичи, и зыряне, и пермичи, или иных которых городов торговые люди, учнут воровати по-прежнему, и мангазейской, и енисейской самоеди учнут говорить, чтоб государеву острогу у них в Мангазее впредь не было»¹⁶¹.

Приведенное известие показывает места выхода первых русских промышленных людей. В первую очередь это были жители поморских уездов. Согласно точке зрения С.В. Бахрушина, на мангазейском направлении первенство принадлежало поморским торгово-промышленным людям, двинянам, пинежанам и мезенцам¹⁶². Также следует отметить, что во всех упоминаниях иностранцев о Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в роли штурманов кораблей выступают жители Поморья. Например, донесение Ричарда Джонсона называется «О некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским Берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка. Страны эти были посещены одним русским, родом из Холмогор...»¹⁶³. Помимо поморов, в Сибирь ходили представители коренного населения Пермского края – вымичи и зыряне, а также русские, проживавшие на его территории. В сообщениях иностранцев они встречаются достаточно часто. В частности, Джосиас Логан беседовал с пермским мореходом¹⁶⁴.

Представляется интересным вопрос о характере контактов между русскими и местным населением в зоне внешнего фронта.

В документах часто упоминается торговля, например, в наказе мангазейским воеводам С. Пушкину и В. Мосальскому от

¹⁶¹ РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т.II, № 188, стлб. 824.

¹⁶² Бахрушин С.В. Научные труды... Т.3, ч.1. С. 300.

¹⁶³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 125.

¹⁶⁴ Там же. С. 211.

1601 г. говорится следующее: «Да и про то им мангазейские и енисейские самоеды допросити и себе тайно у торговых людей и зырян провеживать: сколько человек и в котором году пустозерцев и вымичей, и всяких торговых людей в Мангазее, торговали, и какими товарами, и у кого имянем сколько каких товаров было»¹⁶⁵. Следовательно, до основания правительственного острога между самоедами и русскими промышленниками не одно десятилетие существовали прочные связи, основанные на меновой торговле. Торговля велась без всяких ограничений и пошлин, в этом же наказе русские торговые люди обвиняются в том, что «торговали в Мангазее и в Енисее всякими заповедными товарами с самоедью»¹⁶⁶.

Кроме торговли, русские первопроходцы, выходцы из Поморья, от имени московского царя сумели заставить местное население выплачивать ясак. В той же грамоте присутствует упоминание: «И кто именов пустозерцев с мангазейской и с енисейской самоеды сбирали дань, и в котором году, и по чему с кого кто дани взял?»¹⁶⁷. Данный факт говорит о существовании такого типа взаимодействия, как даннические отношения, специфической особенностью которых являлся сбор повинностей в пользу частных лиц от имени государства в условиях внешнего фронта. Следовательно, русские пришельцы пытались утвердить доминирование над автохтонным населением, а заодно увеличить свою прибыль. Таким образом, в условиях неустойчивого равновесия представлялась возможность для существования соперничества между государством и частными лицами.

Отношения русских жителей фронта, не выступавших в роли представителей государства с местным населением, не сводились только к сотрудничеству. Например, в донесении

¹⁶⁵ РИБ... Т. II, № 188, стлб. 823.

¹⁶⁶ Там же. Стлб. 824.

¹⁶⁷ Там же. Стлб. 823.

Ричарда Джонсона от 1558 г. о Сибири в продолжении названия следует, что «...родом из Холмогор, по имени Федор Товтыгин, который, как говорят, был убит в свою вторую поездку в одной из названных стран»¹⁶⁸. Обострение отношений произошло в начале XVII в. Возможно, в начале проникновения русских в Мангазею местное население спокойно относилось к самостоятельному промыслу русских, пока не было массового их наплыва, не замечалось оскудения естественных ресурсов и не было обязательного ясака¹⁶⁹.

Обобщая приведенные факты, можно говорить, что с начала последней четверти XVI в. северная часть Западной Сибири находилась в зоне внешнего фронта. Хотя первые экспедиции поморских полярных мореходов совершались ещё в середине XV – начале XVI вв., началом данного периода следует считать возникновение первых постоянных русских поселений в северо-восточной части Югорской земли, обусловившее появление первых контактных зон между русским и коренным населением (Приложения 1, 18, 19). Здесь главной движущей силой расширения внешнего фронта явилось желание промышленных людей, выходцев из разных слоев русского общества, получить доход посредством добычи и продажи мягкой рухляди.

На протяжении тридцати лет на этих территориях в полной мере проявилась ситуация неустойчивого равновесия. С одной стороны, территории севера Западной Сибири непосредственно не входили в состав Российского государства, на них не распространялась власть царя, на местах не было органов, от его имени осуществлявших публичные функции. С другой – в указанном регионе находилось достаточно много русских людей, которые активно осваивали новые территории, успешно взаимодействовали с представителями местного населения, строили свои поселения, которые фор-

¹⁶⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 125.

¹⁶⁹ Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 63.

мально были независимы, но поддерживали связь с Русью. Фактически эти земли испытывали русское влияние той же силы, что и территории, находившиеся в низовьях р. Иртыша и среднего течения р. Оби.

Однако погоня за шкурками соболя влекла русских промышленников за р. Енисей в бескрайние просторы Центральной и Восточной Сибири. Сразу после открытия Мангазеи русские промышленники двинулись дальше на восток.

Основываясь на ряде документальных свидетельств, можно предположить, что сведения о Енисее были известны русским людям с начала 80-х гг. XVI в¹⁷⁰. К началу 80-х гг. XVI в. они были настолько конкретны, что в 1582 г. англичане уже просили русское правительство о разрешении только им одним торговать в устьях Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби и Енисея¹⁷¹. В русских документах, относящихся к 1582–1583 гг., также неоднократно упоминается Енисей, именуемый Ындленди, Ызленди, Ысленди, Ислендь, Излендь, Изленди. Под этими названиями скрывается именно р. Енисей, так как Иван Грозный приказал: «сыскати старые грамоты, какова им (англичанам. – А.Х.) дана грамота и пристанища морские и выписаны морские пристанища»¹⁷². Далее в документе идет перечисление этих «пристанищ» с пояснением их местонахождения и в том числе: «Ислендь река за Обью». 23 октября 1583 г. Иван Грозный говорил «английскому» послу князю Е. Боусу: «а что к нам писала королевна (Елизавета. – А.Х.) о всех пристанищах морских,

¹⁷⁰ Существует точка зрения В.А. Александрова, согласно которой русские вышли на Енисей в середине XVI – 60-х гг. XVI вв. (Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 12–16), но конкретных подтверждений этой гипотезы в виде свидетельств иностранцев или актового материала он не приводит.

¹⁷¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (с 1581 – 1604 г.) / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. Спб.: Типография В.С. Балашова, 1883. Т. II. С. 48–49, 88, 93–95, 112, 127.

¹⁷² Там же. С. 94.

чтоб ее гостям приходить к Печоре, да к Исленди, да на реку Обь, а те места в нашей земле от Двинского устья до морского пристанища с три тысячи верст»¹⁷³. В другом месте документа при объяснении причин отказа англичанам на монопольную торговлю в ряде отдаленных районов Российского государства снова упоминается Енисей (Изленди).

Е.Е. Замысловский, ссылаясь на иностранные источники, сообщает, что в 1595 г. стоявшие вблизи берега острова Вайгач голландцы «слышали от русских мореходов, что из Холмогор ежегодно несколько лодок ходят в реку Обь и далее до реки Гиллиси, где ведут торговлю... Догадываются, и не без основания, говорит далее Е.Е. Замысловский, что под именем Гиллиси следует разуметь реку Енисей – крестьяне Архангелогородской губернии называют ее Елисеем»¹⁷⁴.

Одним из свидетельств, которое доказывает факт проникновения русских на полуостров Таймыр еще в XVI в., является карта голландского морехода Гюйгена ван Линсхоттена, плававшего в западном секторе Арктики в 1594–1595 гг. На ней изображен «мыс Табин», но он сильно отличается от изображений аналогичного объекта на других картах того времени¹⁷⁵. Его очертания сильно напоминают полуостров Таймыр, но, что особенно важно, на нем показана речка, вытекающая из большого озера, совершенно схожая с рекой Таймыркой, рождаемой, одноименным озером¹⁷⁶. Фактически невозможно выдумать столь достоверные сведения. Получить их голландский мореплаватель мог двумя способами. Первый способ – шпионское донесение от неизвестного информатора, на

¹⁷³ Памятники дипломатических сношений... С. 112.

¹⁷⁴ Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.48.

¹⁷⁵ Ярким примером картографического отображения Сибири служит карта 1570 г. А. Ортелиуса (Приложение 21).

¹⁷⁶ Скалон В.Н. Русские землепроходцы... С. 33.

основе которого впоследствии была составлена упоминаемая карта. Второй способ – встреча с поморами и обмен с ними информацией, так как только они в то время могли совершать плавание в тот регион. Вне зависимости от способа получения данных ясно одно – русские в это время плавали в Карском море, так как точно знали очертания Таймыра.

В подтверждение вышесказанному можно привести еще одно неопровержимое доказательство. Красноярский историк и биолог В.С. Мыглан недалеко от поселка Хатанга провел дендрохронологические исследования над остатками древних русских зимовий. По результатам анализа одного из спилов остатков древесины от русского зимовья, которое находилось на участке «Вторые Кресты», археологи датировали его основание 1585-м г.¹⁷⁷. Этот факт доказывает присутствие русских на полуострове Таймыр в конце XVI в.

Следующим иностранцем, в трудах которого упоминаются земли за Енисеем, был Исаак Масса. И. Масса к концу своего пребывания в Москве, приблизительно к 1605–1607 гг., по его собственным воспоминаниям, благодаря одному русскому, который ездил в Сибирь при Борисе Годунове, и знакомствам с царедворцами и дьяками приказов, с которыми он старался поддерживать дружеские отношения, располагал довольно обширными и точными сведениями о Сибири. Вероятно, в 1608 г. И. Масса получил предложение от нидерландского торговца Исаака Лемэра принять участие в качестве фактора в экспедиции для поиска северо-восточного морского пути, но отказался от этого предложения¹⁷⁸. Сведения И. Массы нам

¹⁷⁷ Мыглан В.С. Влияние климатических изменений на социальные и природные процессы в Сибири в XVII – первой половине XIX вв. по историческим и дендрохронологическим данным: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2005. С. 138–139.

¹⁷⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 238.

представляются достаточно объективными, так как базируются на достоверных источниках.

И. Масса пишет в своем известии: «Река Енисей гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу. На Запад лежит равнина, чрезвычайно плодородная и изобилующая цветами и деревьями различных пород. Там растет также много странных фруктов и встречается множество редких птиц. Весною Енисей заливают поля на семьдесят миль»¹⁷⁹. Поражает точность сведений относительно природно-климатических особенностей бассейна р. Енисей. Такого рода сведения можно было получить только от людей, постоянно проживавших в данной местности, что предполагало присутствие русских в этом районе.

Далее в сообщении И. Массы есть описание похода в глубь Сибири, который организовал один из сибирских воевод. Обстоятельства этого похода выглядят следующим образом: «... в количестве около семисот человек они (русские. – А.Х.) перешли реку Обь и дошли до реки Енисей через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгусов... и до наступления осени они вернулись домой в Сибирь»¹⁸⁰. В сочинении И. Массы некоторые факты искажены. Например, численность отряда в семьсот человек (такого количества людей в то время не было ни в одном гарнизоне сибирского города), но основу сообщения составляют реальные факты. Интерес представляет то обстоятельство, что представители официальной власти не владели информацией о бассейне р. Енисей, а частные лица, которые, судя по всему, были русскими торговцами или промышленными людьми, хорошо знали этот район¹⁸¹.

¹⁷⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 257.

¹⁸⁰ Там же. С. 258–259.

¹⁸¹ Подробнее о путешествии И. Массы в Приложениях 3 и 17.

С постройкой Мангазеи ускорился процесс русского освоения бассейна р. Енисей. Мангазейцы поднялись по притокам р. Таз и через волок перешли на р. Волочанку, а затем по р. Турухан устремились на юг к Енисею. Продвигнувшись на юг по Енисею в 1605 г., неподалеку от р. Сыма они построили зимовье, ныне село Ярцево¹⁸². Точные документальные сведения сохранились только об основании Туруханского зимовья. У Г.Ф. Миллера есть следующее упоминание о появлении русских за Енисеем: «Тунгусы впервые были объясачены в 7115 (1607) г. посланным из Мангазеи на реку Нижнюю Тунгуску березовским казаком Михаилом Кашмыловым, собравшим тогда с 19 человек по два соболя с каждого»¹⁸³. К 1610 г. относится первое документальное упоминание о Туруханском зимовье: «в прошлом де во 118-м году были они в Мангазеи, а из Мангазеи пришли на Енисею, к Николе на Турухан»¹⁸⁴. Скорее всего, до 1607 г. Туруханское зимовье было пунктом сбора ясака. В качестве опорного пункта мангазейских торговцев оно существовало как минимум с конца XVI в. Зимовье располагалось в наиболее удобной точке (на месте сближения р. Волочанки и р. Турухана находился Енисейский волок) на пути проникновения мангазейских торговых людей на р. Енисей, ведущем дальше на просторы Восточной Сибири.

В том же году, что и Туруханск, появляется зимовье Инбацкое (ныне село Верхнеимбатское), а годом позже в устье одноименной речки появилось зимовье на месте современного села Бахта¹⁸⁵.

¹⁸² Туруханск – северная вотчина государства российского / под ред. Я.П. Логинова, Е.Е. Мутовина. Красноярск: Книжное изд-во, 2004. С. 46.

¹⁸³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2. С. 29.

¹⁸⁴ Там же. Прил. №116. С. 273.

¹⁸⁵ Гапеенко В. Туруханск. Как все начиналось? // Красноярский регион. 2007. № 2. Июнь. С. 3.

В 1608 г., по велению мангазейского воеводы Д. Жеребцова, на восток «встречь солнцу» отправился отряд крещеного пустозерского самоеда Игнатия Хапентика. Он дошел до кочевий тунгусского племени буляши на среднем течении р. Нижней Тунгуски и объясачил его¹⁸⁶. В 1610 г. из Мангазеи была отправлена экспедиция к устью Енисея. Через р. Турухан казаки попали в р. Енисей, а из нее в р. Пясино и наложили ясак на кочевавших здесь самоедов («пясичкая самоедь»), там же были заложены первые русские зимовья¹⁸⁷. В 1610 г. мангазеец К. Курочкин поставил зимовье в устье р. Дудинка, в котором несли службу несколько казаков¹⁸⁸. В 1614 г. мангазейские казаки поставили в устье р. Дубчес одноименное зимовье, располагавшееся между Туруханском и Ярцево. Они начали собирать ясак с местных племен кетов и селькупов (остяков и инбаков)¹⁸⁹. В том же 1614 г. мангазейцы уже переходят на р. Нижнюю Тунгуску, и, поднявшись вверх по течению реки, они подчинили себе 18 родов тунгусов¹⁹⁰. Есть свидетельства о том, что в 1615 г. казаки из Туруханского зимовья побывали на р. Курейке¹⁹¹.

С начала XVII в. на северо-восточном направлении внешнего фронта произошло качественное изменение в доминирующем типе взаимодействия между русским и коренным населением. Если раньше первоосновой данных отношений являлась меновая торговля, то теперь на первый план вышли ясачные отношения, что свидетельствовало о начале перехода инициативы освоения новых территорий от частных лиц к служилым людям Российского государства.

¹⁸⁶ Туруханск – северная вотчина... С. 51.

¹⁸⁷ Там же. С. 46.

¹⁸⁸ Гапеенко В. Туруханск... С. 3.

¹⁸⁹ Туруханск – северная вотчина... С. 129.

¹⁹⁰ Там же. С. 46.

¹⁹¹ Гапеенко В. Туруханск... С. 3.

Особый интерес представляют археологические находки на острове Фаддея и заливе Симса в 1940 г. Здесь были обнаружены стоянка и зимовье русских мореходов. В ходе раскопок, руководителем которых был академик А.П. Окладников, археологи нашли оружие, предметы быта, украшения и коллекцию монет. Профессор-нумизмат Г. Спасский тщательно исследовал коллекцию и датировал находки временем не позже 1617 г.¹⁹². Удалось однозначно определить и территориальное происхождение русских мореходов. На затейливо украшенной рукоятке ножа тонким орнаментом деревянной славянской вязью была вырезана короткая, но четкая надпись: «Акакий Мураг» (иначе говоря, Мурманец)¹⁹³. Наличие зимовья в заливе Симса говорит о регулярном посещении русскими полуострова Таймыр.

К 1618–1619 гг. относятся сообщения о выходе русских к р. Лене. Экспедиция связана с именем первопроходца Пенды¹⁹⁴. Согласно им, Пенда – это казак из Мангазеи, собравший отряд 40 человек, с которым он двинулся на восток искать новые земли. В течение трех лет он искал проход на р. Лену, пока не попал на Чечуйский волок. В течение этих лет он вел упорные бои с местными тунгусскими племенами, которые противились проникновению русских на территорию бассейна р. Лены. В четвертый год пребывания в Центральной Сибири Пенда совершил путешествие вверх по р. Лене. Он дошел до р. Ангары, по ней спустился на Енисей и по нему вернулся

¹⁹² Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 181–182. Хотя существует иная точка зрения, выдвинутая М.И. Беловым, который считает, что это была экспедиция Ивана Толстоухова, организованная в конце XVII в. Но он приводит менее убедительные доказательства, чем А.П. Окладников (Белов М.И. Мангазея. Л.: Гидрометеоздат, 1969. С. 97–112).

¹⁹³ Окладников А.П. Открытие Сибири... С.180.

¹⁹⁴ Туруханск – северная вотчина... С. 51; Окладников А.П. Открытие Сибири... С. 172–178.

в Мангазею. На основе рассказов предводителя экспедиции сложили устное предание, которое передавалось в течение ста лет. Аналогичные сведения предоставляет якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому не ведомые пришельцы – первые русские, с которыми у якутов сложились мирные взаимоотношения. В устной повести мангазейских казаков о приключениях Пенды очень подробно излагается борьба с тунгусами, но нет ни одного слова о стычках с якутами или бурятами. Такое совпадение вряд ли можно объяснить случайностью.

Документальным подтверждением путешествия Пенды стала запись в одном документе, скопированном для Г.Ф. Миллера: «...в 7132 году в Нижней Тунгуске в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьи реки: род Ачаны девять человек платят ясаку по 2–8 соболей, 1–2 недособолей»¹⁹⁵. Как следует из документа, Пендинское зимовье существовало и действовало как опорный пункт ясачного сбора уже в 1624 г., то есть за четыре года до первого русского похода на р. Лену. Скорее всего, оно возникло за пять-шесть лет до обозначенной даты (четыре года продолжался поход Пенды на р. Лену, год-два понадобились официальной власти, чтоб сделать из него место сбора ясака). Возможно, Пенда оставил на землях, которые он посетил впервые, некоторое подобие военного гарнизона острога для последующих экспедиций на эти территории.

Исходя из этих фактов, можно утверждать, что в 1615–1620 гг. на берегах р. Лены побывала русская экспедиция. Таким образом, к этому времени северо-восточное направление внешнего фронта проходило по ее берегам.

¹⁹⁵ Окладников А. П. Открытие Сибири... С. 176.

Из фольклорных источников видно два типа взаимодействия с местным населением в контактной зоне фронта. Первый тип – это конфронтация и военные действия. Вторым типом – это взаимовыгодная торговля и обмен хозяйственными навыками. Наличие диаметрально противоположных типов взаимодействия свидетельствует о сложной структуре отношений, возникавших в контактных зонах, а следовательно, подтверждает неоднозначность и противоречивость процесса взаимодействия разноуровневых цивилизаций в Сибири.

Своему быстрому продвижению на восток русские во многом обязаны Северному морскому пути (Приложение 4). По нему доставляли припасы в отдаленные уголки арктической Сибири и вывозили богатства, которые там добывали русские. Но неожиданно движение по Северному морскому пути было приостановлено. Впервые идея о запрете русского арктического мореплавания приводится в отписке тобольского воеводы И. Куракина от 16 февраля 1616 г. В ней приведен рассказ К. Курочкина о возможности выхода из Енисея в Карское море¹⁹⁶. В сообщении мы видим обеспокоенность русского промышленника возможностью вторжения иностранцев в русские земли. Вряд ли это было первое плавание поморов в Енисейское устье. Но все-таки, на наш взгляд, этот путь считался для них сложным, и они не часто пользовались им. Более удобным способом проникновения из Мангазеи на Енисей считался путь с р. Таз по р. Волочанке. Далее он шел через Енисейский волок в р. Турухан, а затем на р. Енисей и далее в Восточную Сибирь. Вероятно, когда поморы совершали путешествия на Таймыр, они старались обходить залив устья Енисея. Из данного сообщения, в котором описываются события, произошедшие в 1610 г., мы можем заключить, что р. Енисей активно осваивалась русскими людьми.

¹⁹⁶ РИБ... Т. II, № 254. I, стлб. 1050–1051.

Возникает вопрос: почему поморам потребовалось вмешательство государства в сферу судоходства по Северному морскому пути? Казалось бы, если сохранить монополию на знание о данной магистрали, то оставалась возможность получать полную прибыль от промыслов и торговли без уплаты пошлины в пользу государства.

В действительности опасность иностранного присутствия у северных берегов Российского государства не была плодом вымысла отдельного морехода К. Курочкина. К этому времени активизировались попытки иностранных факторов проникнуть в часть Арктики, расположенную на побережье Сибири. Сохранился чрезвычайно интересный документ, который фактически не использовался для изучения сибирской истории, – это отписка тобольского воеводы И. Куракина от 1616 г. царю Михаилу Федоровичу. Из нее мы узнаем, основываясь на сведениях К. Курочкина, что «немцы наимовали вожей русских людей, чтобы их от Архангельского города провели в Мангазею»¹⁹⁷. Но более интересную информацию сообщает колмогорец Еремка Савинов: «тому де лет с семь, видели они у Карские губы копаны ямы, а сказывали им самоедь, что приходили де того году на Карскую губу из своих земель на кораблях немцы, не зимуя Архангельского городка, имали землю в корабли; а для чего та земля надобна, того они не ведают. А наперед де, государь, того годы за два, были у Карские ж губы немцы, два корабля, а ни с кем никакими товары не торговали, а для чего приезжают, того не ведают, а они чают того, что они для торговли места проведывают, а подлинно не ведают. Да тому де, государь, годы с четыре нашли промышленные люди, идучи из Мангазеи к Архангельскому городу, вправе на половине дороги на Колгуеве острове разбит льдом корабль, а чают, что было им итти на Карскую ж губу, а на нем де были две пушки, и они де те пушки привезли к Архангельскому го-

¹⁹⁷ РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портф.130. Д. 11. Л.3.

роду; да чаёт де, государь, они, что и по сю пору и по вся годы немцы к Карской губе приезжают»¹⁹⁸. В отрывке говорится о регулярных попытках иностранцев попасть в русские земли, минуя Архангельск. Множество из этих экспедиций были секретными, поэтому документов о деятельности разведчиков не сохранилось.

Более или менее точно можно идентифицировать экспедицию, которая состоялась «тому де лет с семь» назад, то есть в 1609 г. Скорее всего, это была экспедиция, подготовленная нидерландским торговцем И. Лемэром, в которую в качестве фактора он приглашал И. Массу¹⁹⁹. Основываясь на приведенных фактах, следует считать, что опасения поморов имели под собой реальные основания. Тем не менее переоценка угрозы иностранного вторжения имела место, а закрытие Северного морского хода было выгодно в первую очередь государству.

С 1616 по 1620 гг. вокруг решения о запрете Северного морского пути развернулась настоящая борьба. Шла оживленная переписка между московскими властями, которые склонялись принять доводы К. Курочкина и приостановить движение по морю, и сибирскими воеводами. Противоположную позицию занимали мангазейские воеводы, которых поддерживала часть промышленных людей, ратовавших за сохранение морской дороги между Архангельском и Мангазеей²⁰⁰. В итоге победила позиция центральных властей, которые в 1620 г. настояли на введении окончательного запрета на движение по Северному морскому пути. Этот фактор сказался на темпах расширения северо-восточного направления внешнего фронта, так как в нем одной из основных движущих сил были частные экспедиции поморских промышленников. Для них водные морские

¹⁹⁸ РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портф.130. Д. 11. Л.3.

¹⁹⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 239.

²⁰⁰ РИБ... Т.II, № 254. I, стлб. 1049–1095.

пути являлись наиболее удобными для продвижения «встречь солнцу» (Приложение 4).

Относительно истории формирования северного направления внешнего фронта в Восточной Сибири следует отметить существование феномена Русского Устья и свидетельства о пребывании русских на Аляске в XVI в.

Предания, собранные в Русском Устье, поселения в бассейне р. Индигирки, свидетельствуют о наличии здесь русского поселения со времен Ивана Грозного²⁰¹. Согласно преданию, «собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем: от удушья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли»²⁰². Те факты, что по некоторым данным предки русско-устынцев были дворяне, обладавшие соответствующими документами, что между ними сохранились фамилии вельмож времен Грозного (Чихачевы, Киселевы, Рожины) что, с ними вместе прибыли женщины, благодаря которым только и мог так чудесно сохраниться чистый тип, язык и обиход старорусской семьи, свидетельствуют в пользу версии о существовании на р. Лене русского поселения уже в XVI в.²⁰³.

Существует и иная точка зрения на время появления Русского Устья. А.Г. Чикачев считает, что первое поселение в районе Русского Устья было основано тобольским казаком Иваном Ребровым в 1638 г., а вышеприведенную теорию о появлении первых русских на Индигирке он считает легендой²⁰⁴.

²⁰¹ Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. С.11.

²⁰² Фольклор Русского Устья / отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 215.

²⁰³ Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. С. 18–19.

²⁰⁴ Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990. С. 20–21.

Исходя из разных трактовок начальной даты появления Русского Устья, нельзя однозначно распространить зону внешнего фронта на его территорию в 80-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. Сам факт существования Русского Устья свидетельствует о существовании особой формы взаимодействия колонистов со средой в условиях внешнего фронта, когда для сохранения самобытности происходит консервация общности пришельцев в новых для них территориальных, климатических и этнических условиях.

О проникновении русских землепроходцев XVI в. на острова Восточно-Сибирского моря и в Америку упоминается в исследованиях Л.С. Берга. Он ссылается на статью С. Фарелли о бородастых людях на Аляске²⁰⁵. Л.С. Берг относит появление первых русских в этой стране к 1571 г., что вполне согласуется со сведениями об освоении Северного морского пути поморскими землепроходцами, особенно если учитывать высокий уровень их мореходных знаний и навыков. Тем не менее данное мнение следует принимать как гипотезу, потому что оно недостаточно аргументированно.

Основываясь на приведенных данных, можно более или менее точно определить хронологические рамки существования северо-восточного направления внешнего фронта в Центральной и части Восточной Сибири. Начальной датой расширения внешнего фронта следует считать начало 80-х гг. XVI в. Именно к этому времени относится большинство упоминаний об открытии р. Енисей. Завершающей датой является 1620 г. – год выхода указа, запретившего движение вдоль побережья Сибири Северным морским ходом.

Основными движущими силами северо-восточного направления внешнего фронта на территориях Восточной и Центральной Сибири являлись поморские промышленники и служилые люди. Освоение данного региона Сибири проходи-

²⁰⁵ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725–1742. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 358.

ло преимущественно мирным путем, потому что численность местного населения во много раз превосходила количество русских землепроходцев, и в случае вооруженного столкновения последние оказывались в крайне невыгодных условиях. Скорее всего, в тех случаях, когда русские служилые люди вынуждали местное население платить в пользу Российского государства ясак, он был неокладным, налагался на слабые племена и не являлся тяжелым бременем для них.

Несмотря на то что сведения о распространении зоны внешнего фронта на северо-востоке Центральной и части Восточной Сибири достаточно скудны, можно выделить его границы (Приложение 2), проходившие к началу 20-х гг. XVII в. по бассейну р. Енисей до р. Подкаменной Тунгуски, полуострову Таймыр и р. Лена в границах бассейна ее левых притоков. Государственное колонизационное движение пришло в эти земли с опозданием на 10 лет.

Основной специфичной чертой физико-географических условий на этом направлении (секции) являлась непосредственная близость Северного Ледовитого океана. С одной стороны, эта особенность, благодаря развитым навыкам полярного судоходства у поморов, способствовала наиболее раннему освоению этого района. С другой – экстремальные условия севера Западной Сибири затормозили проникновение правительственных отрядов в эти земли, например, достаточно вспомнить судьбу отряда М. Шаховского. Кроме того, следует упомянуть, что на начальном этапе проникновения в данный регион в составе служилых людей не было конных казаков, являвшихся обязательным воинским соединением в более южных районах (Приложение 7).

В плане межцивилизационного взаимодействия на большей части территории русские вступили во взаимодействие с ненецкими и тунгусскими племенами, являвшимися трайбалистскими сообществами. Лишь на относительно неболь-

шой территории от Обской губы до подножия Уральских гор русские в ходе своего продвижения на восток встретились с раннепотестарными образованиями – Кодским, Обдорским и Ляпинским княжествами. Ненцы же и северные племена тунгусов заселяли тундру и лесотундру и получили в русских источниках название «самоедов». Ареной их кочевий служили земли от Канина полуострова до низовьев р. Енисей и далее на восток до рр. Хатанга и Лена. Кочевой быт predetermined сохранение у них родового строя в его самом неразвитом виде. В некоторых самоедских племенах еще в конце XVII в. русские наблюдали наличие небольших самостоятельных и независимых друг от друга родовых групп – патриархальных семей. Этот фактор во многом усложнял установление власти Русского государства над самоедами. Традиционные институты, применявшиеся для подчинения «сибирских инородцев», в среде самоедов были неэффективны. Шерть в силу низкого социокультурного уровня самоедов не имела для них такой важности. Определенные трудности для русских властей представлял сбор ясака с ненцев и тунгусов. Даже в Мангазейском уезде, где учет ясачных самоедов старались поставить правильно, этого не удавалось сделать вследствие их частых перекочевок с места на место.

При данном типе межцивилизационного взаимодействия представители автохтонного населения на ментальном уровне не понимали содержания русского понятия государственности. Номинально подчиняясь «белому царю», ненецкие и тунгусские племена игнорировали такие составляющие подданства, как регулярная уплата налогов, единое судопроизводство и безоговорочное подчинение центральной власти. В большинстве случаев все эти обязанности исполнялись ненцами эпизодически и не носили регулярного характера.

Основу же хозяйственного уклада в этих землях составляли пушной промысел и меновая торговля, в основном обуслов-

ленная отсутствием у трайбалистских племен самого представления о сути денег.

Во многом именно вышеприведенное сочетание комплекса факторов: физико-географических условий, характера взаимодействия цивилизаций и хозяйственного уклада – предопределили то, что стадия внешнего фронта здесь растянулась не на десятилетия, а на столетия.

2.2. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА

Расширение Российского государства за Уралом в восточном и юго-восточном направлениях началось с похода Ермака в Сибирь. Правда, в Книге записной есть упоминание о малоизвестном походе царского воеводы Афанасия Лыченицына против Кучума, который завершился неудачей²⁰⁶.

Основным результатом экспедиции казаков Ермака 1581–1584 гг. явилось падение Сибирского ханства. Вхождение же Сибири в состав Российского государства началось с появления регулярных отрядов служилых людей и строительства первых острогов.

После смерти Ермака Кучум и его дети остались живы и причиняли много беспокойств русским отрядам, поэтому в основе выбора мест для строительства острогов лежали военно-тактические соображения.

Первым русским острогом в Сибири являлся Обский городок. Датой его основания является 1585 г. В 1585 г. на смену воеводе И. Глухову правительство отправило воеводу И. Мансурова. Когда И. Мансуров пришел в Сибирь, он узнал, что И. Глухов оставил Искер, который снова захватили татары. Дальнейшее поведение Мансурова описывается в «Книге записной» следующим образом: «...и убоялся поганых множества, и побегаша через Камень к Русе. И дошедшее до Оби

²⁰⁶ Книга записная... С. 1.